

УДК 94(517.3)''1911/1921'':323.2

«ВЕЛИКАЯ МОНГОЛИЯ»: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЯПОНСКИЙ ПРОЕКТ БУФЕРНОГО ГОСУДАРСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 1919 ГОДУ

Е. А. Рубанов

Дальневосточный федеральный университет, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8
ruevan@yandex.ru

Исследуется один из эпизодов национально-освободительной борьбы за независимость Монголии в 1911 – 1921 гг. Рассматриваются основные эпизоды внутренней борьбы в панмонгольском движении, а также место и значение националистических движений и казачьего сепаратизма в новом курсе политики Токио на Дальнем Востоке. Предпринимается попытка раскрыть причины резкого изменения внешней политики Японии в конце Первой мировой войны в сторону построения марионеточных государств на территории России и Китая.

Ключевые слова: панмонгольское движение, Даурская конференция, Маньчжурия, Монголия, Япония, Синьхайская революция, казачий сепаратизм.

К концу Первой мировой войны в целом ряде стран Европы, Азии и Африки наметился подъем национально-освободительного движения, направленного против колониальной зависимости от международного империализма. Не стал исключением и Китай, где после Синьхайской революции 1911 г. наряду с подъемом борьбы китайского народа начались выступления национальных окраин за свою независимость. После падения маньчжурской династии от Китая фактически отделились Тибет и Внешняя Монголия. В сложившихся условиях ближайšie к Китаю империалистические державы – Япония и Россия – заключили 8 июля 1912 г. тайное соглашение о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии и Маньчжурии с целью недопущения в них третьих стран. В июле 1916 г. Япония в дополнение к действующему с 1902 г. союзному договору с Англией заключает аналогичное соглашение о военном союзе с Россией для совместного отстаивания статуса в Северо-Восточном Китае от конкурентов в лице третьих держав, в первую очередь от США. Однако Февральская революция и падение самодержавия в России привели к фактическому прекращению действия союзного договора, а нарастающая в ней и в соседнем Китае анархия подтолкнули Токио начать военную экспансию на материке. Вскоре японские правящие круги пришли к выводу о нецелесообразности продолжения традиционной политики опоры на союзы с другими великими державами в отстаивании собственных интересов в Китае и перешли к политике создания марионеточных режимов как будущей основы создания «великой сферы совместного процветания». Важнейшую роль в этом развороте играли не только заметное охлаждение англо-японских и японо-американских отношений после Версальской и Вашингтонской конференций, по результатам которых Япония оказалась в международной изоляции в китайском вопросе, но и события, происходившие в Китае в его северных провинциях. Попытаемся раскрыть сущность и причины появления нового экспансионистского курса Японии в контексте ее сотрудничества с панмонгольскими националистами и казачьими сепаратистами на российском Дальнем Востоке.

В начале 1919 г. обстановка на Дальнем Востоке для Японии была исключительно благоприятна. Все внимание великих держав в начале 1919 г. было приковано к Парижской мирной конференции, где предстояло определить новый мировой порядок после окончания Первой мировой войны. Россия и Китай продолжали находиться в состоянии политической раздробленности и внутренней смуты и представлялись легкой добычей для японских правящих кругов. Главным препятствием для осуществления их экспансионистских планов на Дальнем Востоке России оставался колчаковский режим в Омске, а в Китае активность японцев частично сдерживали США. До прихода адмирала Колчака к власти Япония могла пользоваться российским прикрытием для интервенции в лице многочисленных местных правительств. После переворота 18 ноября в Омске Япония утратила это преимущество, поскольку адмирал искал сотрудничества с Англией и Францией и слыл японофобом. Не надеясь договориться с А.В. Колчаком, Япония решила создать марионеточное государство, что позволяло японским войскам оставаться на территории Маньчжурии, Примо-

рья и Забайкалья сколь угодно долго [Григорьевич, 1957, с. 24–25].

Воспользовавшись тем, что на западном фронте у колчаковцев вновь начались военные действия с красными, японцы приступили к осуществлению плана создания буферного государства. С этой целью при посредничестве атамана Семенова они решили опереться на движение монгольских и бурятских паннационалистов за независимость и китайскую политическую группировку генералов Ань-Фу, стремившихся восстановить в Китае монархию, которая бы находилась в вассальной зависимости от японского императорского дома [Грум-Гржимайло, 1926, с. 765]. А.Ф. Сперанский, работая в начале 20-х гг. XX в. с документами НКВД по проблеме буферного государства писал следующее: «...успешно осуществляя задачу подчинения своему влиянию русских дальневосточных окраин, Япония, искусно пользуясь слабостью омского правительства и честолюбивыми замыслами одного из виднейших деятелей "сибирской атаманщины" – атамана Семенова, одновременно развернула программу "натиска на запад", которая намечала объединения южной части Забайкалья, русского Дальнего Востока, всей Монголии – от Сибири до Тибета, и Северной Маньчжурии в одно государство. Эта монголо-бурятская держава, по мысли Японии, должна была отдать в руки японцев весь центр и северо-восток Азии, отрезать Сибирь и Россию от Великого океана и создать базис для установления владычества Японии на Азиатском материке. В случае удачи этого плана предполагалось втянуть в орбиту японского влияния, если не весь Китай, то по крайней мере Китай северный» [Сперанский, 1922, с. 591–592].

Идея атамана Семенова об использовании бурятского движения за автономию и монгольского движения за независимость от Китая возникла еще в конце 1917 г., когда только началось формирование Особого Маньчжурского отряда (ОМО) [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1552, л. 105]. После урегулирования конфликта с Омском Г.М. Семенов располагал уже прочной базой в Забайкалье, на северо-западе Маньчжурии и в части Монголии. К этому моменту у него возникла идея созвать объединительный съезд монгольских и бурятских князей, забайкальского казачества и тибетского духовенства, на котором Семенов собирался договориться с делегатами о создании панмонгольского государства. Предполагалось создать общее правительство в этой конфедерации, вооруженные силы, главнокомандующим которых собирался стать честолюбивый атаман [Грум-Гржимайло, 1926, с. 762–763]. Проект нашел полную поддержку в Токио, и Япония согласилась финансировать это мероприятие, способствовать принятию делегации «Великой Монголии» на Парижской мирной конференции. Единственное условие, которое выставляли японцы, сводилось к тому, что внешне все должно было выглядеть так, будто инициатива созыва учредительной конференции и посылка делегации в Париж исходила исключительно от монголов и бурят [Курас, 2011, с. 259]. Японский империализм перестраховывался: если авантюра провалится, будет возможность отмежеваться от причастности к этому проекту.

Пока Омск и Чита в декабре 1918 г. выясняли отношения, Г.М. Семенов, не теряя времени, отправил своих эмиссаров в Ургу и Тибет пригласить делегатов на готовящуюся конференцию, которую он намеревался провести в Забайкалье [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 266]. Такие же приглашения получили представители Бурятского национального комитета, которые к этому времени успели перейти от стремления к автономии к требованию независимости. В январе 1919 г. в ставку Семенова вернулась посольская миссия полковника Малиновского, которая привезла из Монголии атаману титул «Гьшун-вана» (светлейшего князя), письмо и подарки от далай-ламы из Тибета [Курас, 2009, с. 21]. И в Урге, и в Лхасе обещали прислать своих делегатов к готовящейся конференции. Капитан Синкэй Куроки, ранее состоявший при Семенове, при отъезде в Токио пообещал довести до сведения военного командования и правительства информацию о предстоящей конференции. Сменивший его в японской военной миссии в Чите полковник Куросава предложил атаману идею о направлении делегации «Великой Монголии» на Парижскую мирную конференцию и сообщил ему об условиях помощи со стороны Японии. Вскоре большая часть представителей монголов, бурят и далай-ламы прибыли в Читу. Отсутствовали на конференции делегаты от Халхи, из Алтая, Тянь-Шаня и некоторых других княжеств. 25 февраля 1919 г. в Чите открылась конференция, получившая в дипломатической истории название Даурской [Марковчин, 2003, с. 184; Грум-Гржимайло, 1926, с. 762–763].

Делегаты конференции избрали председателем Нейсе-гегэна, прибывшего из Внутренней Монголии. Почитавшийся ламаистским святым среди монголов и бурят, он питал открытую неприязнь к Китаю, именно поэтому монгольские князья, опасавшиеся китайского реваншизма, подали

свои голоса за него. В конце февраля – начале марта, пока работала конференция, были приняты конституция будущего государства, Устав вооруженных сил и образовано «Временное правительство Великой Монголии», в состав которого вошло 5 человек во главе с Нейсе-гегэном [ГАРФ. Ф. 1383, оп. 1, д. 4, л. 6–7.]. Новое государство должно было включать в себя все земли Внутренней и Внешней Монголии, Забайкалья и Тибета. Северная граница этого искусственного новообразования проходила до озера Байкал на севере, охватывая часть российской территории, хребта Тянь-Шань на западе и Большого Хингана на востоке [Грум-Гржимайло, 1926, с. 762-763]. Присутствовавшие на Даурской конференции капитан Куроки и майор Судзуки передали Г.М. Семенову дальнейшие инструкции, согласно которым он перечислил созданной «Великой Монголии» 1 млн. рублей займа «керенками». Леонид Курас, исследовавший историю панмонгольского движения, писал о будущей армии монгольского государства: «Новое государство создавало регулярную армию, в которую намечалось призвать из Внутренней Монголии 20 тыс., из Барги – 1 тыс., из Забайкалья – 3 тыс. чел. Атаман Семенов через барона Унгерна выделил Бурнардуме беспроцентную ссуду в размере 2 млн. руб. керенками для материального обеспечения и обучения будущих воинских частей» [Курас, 2001, с. 53]. С подачи японцев Г.М. Семенов навязал конференции кабальное соглашение о передаче Японии бессрочного права постройки железных дорог на всей территории «велико-монгольского государства». «Великая Монголия» также обязывалась взять внешний заем в 6 млн. лан (чуть больше 7 млн. в дореволюционных царских рублях) под обеспечение полезными ископаемыми [Грум-Гржимайло, 1926, с. 764].

После окончания Даурской конференции атаман Семенов разворачивает энергичную деятельность по укреплению созданного государства. В первую очередь отправляется во Владивосток посольская миссия «Великой Монголии», чтобы оттуда отправиться на Парижскую мирную конференцию. Одновременно в марте–апреле 1919 г. проводится мобилизация бурят, монголов и тунгусов Агинского, Баргузинского, Селингинского и Хоринского аймаков. Тогда же была основана Даурская школа прапорщиков, где проходили подготовку младшие офицеры будущей армии «Великой Монголии». Многие из выпускников этой школы воевали как в ОМО, так и в многочисленных военных формированиях белогвардейцев в Китае. Наиболее известный из них Уржин Гармаев, будущий генерал-лейтенант Маньчжоу-Го [Курас, 2009, с. 92].

Кроме того, весна и лето 1919 г. у Г.М. Семенова ушли на то, чтобы заставить монголов, не согласных с решениями Даурской конференции, войти в созданную федерацию, а также на увеличение поддержки движения в соседних странах Среднего и Ближнего Востока. С этой целью он рассылает своих агентов и сторонников в Синьцзян, Тибет, Афганистан, Персию, российский Туркестан. Эмиссары и поверенные в делах Семенова добрались даже до далекого Курдистана, где также обрели поддержку. Его агентура состояла в основном из бывших однополчан, с которыми Семенов проходил действительную службу в Персии и Монголии, и из платных осведомителей. Наиболее ценными из них были генерал Никонов, которому атаман поручал деловые поездки в Токио, и арабский шейх Аль-Кадири, главный проводник интересов Семенова в странах Ближнего и Среднего Востока [Марковчин, 2003, с. 225–226]. Как свидетельствовал на допросах близкий к атаману священник Филофей, Г.М. Семенов в то время вынашивал свойственные его натуре авантюриста совершенно фантастические планы по проникновению в Центральную Азию и на Ближний Восток. се должно было завершиться к созданием некоей Лиги народов Азии, охватывающей иерриторию от Аравии на западе до Монголии на востоке [ГАРФ. Ф. р-5936, оп. 1, д. 313, л. 1].

В первой половине 1919 г. сепаратистским устремлениям Г.М. Семенова мешало несколько обстоятельств. Первое из них – натянутые отношения с Омском. Находясь под прикрытием японских войск, атаман мог особо не опасаться карательных экспедиций со стороны Колчака, однако ссора с адмиралом привела к расколу в Забайкальском казачьем войске. Значительная часть казачества не поддержала Г.М. Семенова в его конфликте с Омском, а его собственные отряды были на грани бунта из-за нехватки жалования. Опасение, что круг Забайкальского войска оставит его один на один с Колчаком, угроза массового дезертирства в своем войске, а также постоянные колебания японцев вынудили атамана Семенова пойти тогда на примирение с верховным правителем [Марковчин, 2003, с. 223].

Другое обстоятельство – упорное нежелание правителя Внешней Монголии Богдо-гегэна входить в созданное на Даурской конференции государство. В Урге опасались, что вхождение в состав «Великой Монголии» приведет к военному вмешательству со стороны Китая, враждебно

относившемуся к любым проявлениям сепаратизма на своих окраинах. Поскольку для Японии было жизненно важно контролировать всю Монголию, она приостановила поддержку Нейсэ-гегэну. Атаман Семенов также отказался от своего обещания передать кредит в 6 млн. ланов «Великой Монголии». Тогда ее правитель Нейсэ-гегэн решился в августе–сентябре 1919 г. начать поход против Халхи и силой оружия принудить Ургу войти в состав своего государства. Но и здесь его ждал жестокий удар. Барга, располагавшая наибольшими силами, наотрез отказалась воевать с Богдо-гегэном, а 7 сентября вспыхнул вооруженный конфликт между бурятами и представителями Внутренней Монголии. Государство Нейсэ-гегэна, не просуществовав и 7 месяцев, начало трещать по швам [Грум-Гржимайло, 1926, с. 764].

Третье обстоятельство, перед которым оказались сепаратистские режимы Семенова, Калмыкова и Гамова, – их финансовое обеспечение. Уже говорилось, что одной из ключевых причин, вынудивших атамана примириться с Омском, стала нехватка жалования его войскам. Семеновцам постоянно не хватало средств на содержание армии, платной агентуры, военных училищ, приобретение вооружения и боеприпасов, поэтому они не останавливались перед самыми крайними мерами в добыче денег [Марковчин, 2003, с. 220]. Главными источниками доходов Г.М. Семенова являлись поставки союзников из-за рубежа, доходы от захваченных рудников и сданных иностранному капиталу концессий, военные трофеи, реквизиции ценных грузов на Транссибе и КВЖД, а также средств частных лиц, т.е. обыкновенные грабежи местного населения [Абрикосов, 2003, с. 350; Гинс, 1921, с. 453].

Несмотря на все проблемы семеновского режима, они играли второстепенную роль в неудачах панмонгольского проекта. К лету 1919 г. степень доверия японцев к Г.М.Семенову заметно снизилась. По всей вероятности, это было вызвано его безудержным мотовством и отсутствием заметных успехов в борьбе с Колчаком и большевиками. Барон А.Я. Будберг в своих дневниковых записях за 10 и 21 февраля отмечал, что находящийся на грани банкротства Г.М. Семенов решил сменить покровителей и начал вести переговоры с американцами за спиной Японии. Когда японцы узнали о готовящейся измене, они свернули финансирование семеновских частей [Архив Русской революции, 1924, с. 285, 287]. Известие об отказе в поддержке вызвало смятение среди сторонников Нейсэ-гегэна, поскольку после утраты прежнего союзника и покровителя в лице царской России монголы надеялись найти защиту от поглощения Китаем именно в Токио. Летом 1919 г. японцы полностью отказываются от поддержки Г.М. Семенова и его панмонгольского детища и начинают финансирование, как им казалось, более перспективного маньчжурского диктатора Чжан Цзолина и промонархической группировки китайских маршалов «Аньфу». Иными словами, ставка отныне делалась не на монгольскую, а на китайскую марионетку, но цели оставались прежними: создание зависимого от Японии сепаратистского режима на территории Монголии, Северного Китая и российского Дальнего Востока во главе с представителем бывшей маньчжурской династии Цин [Савченко, 2007, с. 32].

Осенью 1919 г. как Г.М.Семенову, так и стоявшим за ним японцам стало ясно, что проект панмонгольского государства оказался нежизнеспособным. Увидев, что Нейсэ-гегэн не в состоянии привести в подчинение Халху, другие монгольские князья поспешили отмежеваться от любых связей с ним. Китай, враждебно относившийся к любым попыткам создать единое монгольское государство, активно провоцировал столкновения между монголами и бурятами. Делегация, которая должна была прибыть в Париж на мирную конференцию, дальше Владивостока и самой Японии так и не продвинулась. Энергичные протесты Колчака Антанте против сепаратистских планов присоединить Забайкалье к новому буферному государству и поддержка адмирала США, недовольных усилением Японии в Китае, вынудили Японию отказаться в дипломатической поддержке Нейсэ-гегэну. Под давлением Омска и стоявших за ним держав Антанты Токио в мае 1919 г. перестал официально поддерживать панмонгольское движение, сменил своего представителя в Хайларе на майора Куросаву, который осуществлял в дальнейшем тайное снабжение армии Нейсэ-гегэна [Архив Русской революции, 1924, с. 34; АВПРИ, Ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 368]. Прекратилась и финансовая помощь «Великой Монголии». Нейсэ-гегэн, понимая, что вернуть расположение Токио можно, только продемонстрировав крупный успех, а именно подчинение Внешней Монголии, решает возглавить поход на Ургу с остатками верных ему войск. Однако там его ждал окончательный разгром. С остатками войск из чохар Нейсэ-гегэн при отступлении попал в засаду, был пленен китайцами и расстрелян. Со смертью Нейсэ-гегэна его сторонники разбежались, а его

государство в октябре 1919 г. окончательно распалось [Курас, 2009, с. 92].

Провалом завершилась и затея барона Р. Унгерн фон Штернберга, отряды которого сражались во Внешней Монголии с китайскими войсками, направленными на уничтожение монгольской автономии. Барон Унгерн, враждебно относившийся к революции в любых ее проявлениях, в 1919–1921 гг. воевал в Монголии против войск Китайской республики, а на заключительном этапе своей борьбы – и с большевиками. Бывший однокашник, сослуживец и давний друг атамана Семенова в 1917 г. прибыл в Забайкалье, где совместно с ним создавал ОМО. Затем пути их разошлись: Г.М.Семенов воевал с красными в Забайкалье, а Р.Ф. Унгерн – в Монголии. Однако их цели оставались общими – борьба с большевизмом [March, 1996, р. 195–197]. В отличие от Г.М. Семенова, для которого борьба с красными была лишь прикрытием для его сепаратистских планов, борьба с советской властью барона Унгерн были частью его плана реставрации монархии сначала в Монголии, затем в Китае и России. Р. Унгерн намеревался сначала укрепиться в Монголии, где у него было множество сторонников, включая ее правителя Богдо-гегэна VIII, затем совместно с Г.М. Семеновым захватить Маньчжурию, изгнать оттуда войска республиканского Китая. На базе Маньчжурии и Внешней Монголии Унгерн рассчитывал развернуть борьбу за восстановление династии Цин в Китае, а затем и династии Романовых в России [Кузьмин, 2004, с. 35–36, 90]. Если учитывать скромные возможности его отрядов как боевой силы, то план Унгерн больше всего походил на романтический порыв убежденного монархиста, ненавидевшего революцию, а не на трезвый расчет опытного государственного деятеля.

В то же время Р.Ф. Унгерн понимал, что без поддержки в самом Китае его планы реставрации маньчжурской династии едва ли осуществимы. Поэтому в течение лета 1919 г. он через атамана Семенова пытался заручиться поддержкой Чжан Цзолина, одного из китайских «маршалов», контролировавшего территорию Маньчжурии. Эта попытка особого успеха не имела. Тогда барон попытался опереться на генералов монархической группировки «АньФу», за которыми стояла Япония. Для укрепления своих позиций он заключил политический брак с китайской принцессой Цзи из свергнутой династии Цин. Таким образом, Р.Ф. Унгерн рассчитывал привлечь на свою сторону группировку «Аньфу», с помощью которой он собирался свергнуть республиканскую власть в Китае, а затем присоединить к восстановленной империи и Монголию [Шайдицкий, 2005, с. 109; Архив Русской революции, 1924, с. 16].

Однако барон Унгерн потерпел фиаско, как и Г.М. Семенов в попытке создать «Великую Монголию». Аньфуйская группировка к этому времени давно подчинялась указаниям из Токио. Японские правящие круги, не расставшиеся с надеждой создать марионеточное панмонгольское государство, подтолкнули аньфуйскую группировку к захвату внешней Монголии и смещению непокорного Богдо-гегэна. В октябре 1919 г. армия генерала Сюй Шу Чжана заняла Ургу и ликвидировала автономию Внешней Монголии. Тем не менее это уже не могло спасти панмонгольское государство. В феврале 1920 г. отряды Р. Унгерн изгнали китайцев из Урги, т.е. пошли против той самой аньфуйской группировки, с которой барон собирался заключить союз [Курас, 2009, с. 150]. После этого рассчитывать на поддержку Японии Унгерну не представлялось возможным. События, происходившие в самой Японии и ее колониальных владениях в то время, – отставка военного кабинета Тэраути, рисовые бунты 1918 г., подъем корейского национально-освободительного движения в марте 1919 г. – также препятствовали проведению более активной политики в Монголии и Северном Китае. Планы реставрации монархии в Китае были сорваны, а марионеточное государство на севере Китая возникло лишь спустя 12 лет [March, 1996, с. 189–194].

Анализ событий, происходивших в недрах панмонгольского движения и в рамках сепаратистской деятельности атамана Семенова под покровительством Японии, позволяет сделать следующие выводы.

К концу 1918 г. во Внешней Монголии и на соседних с ней территориях России начался новый этап националистического движения монгольского и бурятского населения, преследовавшего цель создания автономии, а позже независимого государства, объединявшего все монгольские народности. Всплеск националистических настроений совпал с ростом сепаратизма на дальневосточных окраинах России, как следствия дестабилизации внутривосточной обстановки после Февральской революции. Смуты в Китае и ослаблением недавнего союзника в лице царской России воспользовались все крупные империалистические державы, в первую очередь Япония, у которой были свои военно-стратегические и экономические интересы в Маньчжурии и соседней с ней Ко-

рее и Внутренней Монголии. После падения самодержавия японские правящие круги рассматривали в качестве целей экспансии не только прежние российские сферы влияния в Китае, но и собственно российские территории на Дальнем Востоке.

Новый экспансионистский курс Японии не соответствовал интересам как России, так и Англии и США, что способствовало охлаждению отношений между бывшими союзниками по Антанте. В сложившихся условиях военный союз с Англией и Россией как опора для защиты японских интересов в Маньчжурии и Корее перестал быть актуальным, что побудило Японию искать новые инструменты для укрепления своего влияния в Восточной Азии. Таким инструментом стали националистические и сепаратистские движения, которые Япония попыталась использовать с целью отрыва части территории России и Китая для создания марионеточного государства, обеспечивающего прикрытия для японской экспансии. Сеть государств-сателлитов была призвана заменить прежние союзы с великими державами для выполнения поставленных задач. Первым пробным камнем стал проект создания «Великой Монголии», а затем и марионеточного режима в Северном Китае через подконтрольную Токио анхойскую клику генералов. Данные проекты не были реализованы из-за множества противоречий внутри самого панмонгольского движения, а также из-за противодействия со стороны США и Англии. Тем не менее проект панмонгольского государства лег в основу будущих проектов, вроде Маньчжоу-Го, повлияв в значительной мере на переориентацию японской внешней политики после окончания Первой мировой войны.

Список источников

АВПРИ Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1552. Л. 105; Д. 1579. Л. 266; Д. 1579. Л. 368.
Архив Русской революции. Берлин, 1924. Т. 13.
ГАРФ. Ф. 1383. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–7; Ф. р-5936. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

Библиографический список

Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М.: Русский путь, 2008.
Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. Пекин, 1921. Т. 2.
Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922 гг.). М., 1957.
Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянханский край. Л., 1926. Т. 2.
Кузьмин С.Л. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004.
Курас Л.В. Атаман Семенов и панмонгольское движение // Сибирь: XX век: межвуз. сб. ст. Кемерово, 2001. Вып. 3.
Курас Л.В. Геополитические амбиции атамана Семенова: попытка создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Востоковедение. Гуманитарный вектор. 2011. № 4(28).
Курас Л.В. Представители белой государственности в монгольской революции 1921 г. // Власть. 2009. № 11.
Марковчин В.В. Три атамана. М., 2003.
Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы Гражданской войны (1918–1920) // Россия и АТР. 2007. № 7.
Сперанский А.Ф. Роль Японии в панмонгольском движении (Материалы к истории и интервенции) // Новый Восток. 1922. №2.
Шайдицкий В. Отдельная Азиатская конная дивизия // Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005.
March G. P. Eastern destiny: Russia in Asia and the North Pacific. Westport, Conn., 1996.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.07.2014

«GREAT MONGOLIA»: THE FAILED JAPANESE PROJECT OF A BUFFER STATE IN EASTERN ASIA IN 1919

Е. А. Rubanov

Far Eastern Federal University, Sukhanova str., 8, 690950, Vladivostok, Russia
ruevan@yandex.ru

The paper is devoted to an episode of the struggle for national liberation in Mongolia in 1911-1921. The second year of the Civil War 1918-1922 was a time of ordeal for Soviet Russia, surrounded by a ring of fronts. The independence and integrity of the former Empire or its breakup into few weak and dependent states depended on who would win the conflict. Similarly, the period was the turning point for Russian colony in Manchuria and for the Russian Far East. An unsuccessful attempt of Ataman Semenov of creating «Great Mongolia» to be consisted of Russian Trans-Baikal region and Outer Mongolia, under Japanese protectorate in 1919 was very significant in this light. Ataman Semenov previously had actively participated in the liberation of Outer Mongolia from China in 1911. After the February Revolution, in the summer of 1917 he was sent to Trans-Baikal region to organize the recruitment of Mongol and Buryat volunteers to the German front. However, Semyonov formed the units used for the usurpation of power and the creation of a separatist regime in the region, with an active support of Japan. After the fall of the Provisional Government in Petrograd and Admiral Kolchak's coming to power in Siberia, Semenov refused to obey the new authorities and started preparations for struggle. With the same purpose the Japanese military command began to support actively the Mongolian self-rule movement on the territory of Russia and China, to lean on him in opposition with Kolchak. The main episodes of internal struggle in Pan-Mongolian movement, the Japanese project of creation of a puppet state in Northern China and the Russian Far East, and reasons for its failure are considered in the paper.

Key words: Pan-Mongolian Movement, the Daurian Conference, Manchuria, Mongolia, Japan, the Xinhai Revolution, Cossack separatism.

References

- AVPRI F. Missiya v Pekine. Op. 761. D. 1552. L. 105; D. 1579. L. 266; D. 1579. L. 368.
Arkhiv Russkoy revolyutsii. Berlin, 1924. T. 13.
GARF. F. 1383. Op. 1. D. 4. L. 6-7; F. r-5936. Op. 1. D. 313. L. 1.
Abrikosov D.I. Sud'ba russkogo diplomata. M.: Russkiy put', 2008.
Gins G.K. Sibir', soyuzniki i Kolchak. 1918-1920 gg. Pekin, 1921. T. 2.
Grigortsevich S.S. Amerikanskaya i yaponskaya interventsiiya na Sovetskom Dal'nem Vostoke i ee razgrom (1918—1922 gg.). M., 1957.
Grum-Grzhimaylo G.E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhanskiy kray. L., 1926. T. 2.
Kuz'min S.L. Baron Ungern v dokumentakh i memuarakh. M., 2004.
Kuras L.V. Ataman Semenov i panmongol'skoe dvizhenie // Sibir': XX vek: mezhvuz. sb. st. Kemerovo, 2001. Vyp. 3.
Kuras L.V. Geopoliticheskie ambitsii atamana Semenova: popytka sozdaniya federativnogo «Veliko-mongol'skogo gosudarstva» // Vostokovedenie. Gumanitarnyy vektor. 2011. № 4(28).
Kuras L.V. Predstaviteli beloy gosudarstvennosti v mongol'skoy revolyutsii 1921 g. // Vlast'. 2009. № 11.
Markovchin V.V. Tri atamana. M., 2003.
Savchenko S.N. Dal'nevostochnyy kazachiy separatizm v gody Grazhdanskoy voyny (1918-1920) // Rossiya i ATR. 2007. № 7.
Speranskiy A.F. Rol' Yaponii v panmongol'skom dvizhenii (Materialy k istorii i interventsii) // Novyy Vostok. 1922. №2.
Shayditskiy V. Otdel'naya Aziatskaya konnaya diviziya // Belaya emigratsiya v Kitae i Mongolii. M., 2005.
March G. P. Eastern destiny: Russia in Asia and the North Pacific. Westport, Conn., 1996.